УДК 94 (47+571.6) «1914/1917»

Крутоус Игорь Витальевич – аспирант Школы педагогики ФГАОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет» (г. Уссурийск). *E-mail: krutousigor.ik@gmail.com*
Лихарева Оксана Анатольевна – канд. ист. наук, доцент кафедры исторического образования Школы педагогики ФГАОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет» (г. Уссурийск). *E-mail: likhareva_oksana@mail.ru*

И.В. Крутоус
О.А. Лихарева
I.V. Krutous
O.A. Likhareva

Проблемы функционирования цензуры на Дальнем Востоке Российской империи в годы Первой мировой войны (на примере г. Владивостока)

В статье анализируются проблемы, мешавшие полноценному функционированию цензурных органов на Дальнем Востоке России в годы Первой мировой войны. Авторы выявляют причины несогласованной работы цензурных органов в сфере надзора над периодической печатью в регионе, приводя в качестве примеров официальную переписку служащих цензурных органов. В работе приведены результаты анализа содержания статей и заметок отдельных периодических изданий, издаваемых в годы Первой мировой войны во Владивостоке, доказывающие неудовлетворительную деятельность местных цензурных органов. Кроме того, в статье рассматривается деятельность владивостокской цензуры в сфере проверки корреспонденции военнопленных, размещенных во время войны на территории Приморской области. Выявлен ряд объективных и субъективных причин, по которым представители местной военной цензуры не справлялись со своими обязанностями в деле проверки писем и посылок, присылаемых в адрес военнопленных.

Problems of the censorship activity in the Far East of the Russian Empire during the First World War (on the example of Vladivostok)

The article deals with the problems that hindered the functioning of censorship of the Russian Far East during the First World War. The author reveals the censorship failors in supervising regional periodicals, analyzes the situation in which the local press violated rules of censorship. Official correspondence of employees of the local censorship is given as examples. The results of the analysis of the contents of articles and notes of the periodicals published in the years of World War I in Vladivostok, proving insufficiency of activity of local acceptable bodies are given in work. Besides, in article activity of the Vladivostok censorship in the sphere of check of

correspondence of the prisoners of war placed during war in the territory of the Primorsky territory is considered. The article exposes objective and subjective reasons of the local censorship dissatisfactory activity in control over the correspondence of prisoners of the war.

Ключевые слова: *цензура, Дальний Восток, инспектор по делам печати, военно-цензурная комиссия, Первая мировая война, периодическая печать, военнопленные.*

Keywords: *censorship, Far East, inspector for the press, military censorship commission, First World War, periodical press, prisoners of war.*

Периодическая печать является одним из важных исторических источников, в особенности при изучении истории какого-либо региона. Изучение газетных и журнальных публикаций наиболее полезно при изучении различных процессов, происходящих в обществе, и при их восприятии. Однако при рассмотрении периодики как исторического источника нужно учитывать множество факторов, влияющих на содержание и направленность газетных публикаций. Одним из таких факторов является деятельность органов цензуры. Особенно сильно влияние цензуры на периодическую печать, как правило, проявляется во время войн и революций.

Целью данной работы является выявление проблем, с которыми столкнулась дальневосточная цензура в годы Первой мировой войны, на примере цензурных органов г. Владивостока. Помимо деятельности в сфере надзора над периодической печатью, в статье рассматриваются особенности деятельности местной цензуры по проверке корреспонденции находящихся в регионе военнопленных.

Изучению цензуры Российской империи посвящено множество научных трудов, большинство из которых затрагивают и период Первой мировой войны. В монографии Г.В. Жиркова на базе множества источников описана история российской цензуры с начала XIX до середины XX вв. [1]. Большое значение для изучения российской цензуры представляют работы Н.Г. Патрушевой, описывающие деятельность Главного управления по делам печати при МВД в конце XIX – начале XX вв. [2, 3]. В этих и других исследованиях цензура изучается в рамках истории всей Российской империи. Отдельных фундаментальных работ по истории дальневосточной цензуры практически нет. Изучением местной цензуры, в основном, занимались исследователи дальневосточной журналистики и периодики. В первую очередь Л.М. Сквирская и Т.В. Прудкогляд, однако, и в их работах вопросы деятельности цензурных органов в изучаемый период рассматривались в общих чертах [4]. Одним из немногих исследований, посвященных дальневосточной цензуре, является работа И.А. Шаховой, в которой достаточно подробно рассматривается роль государства в становлении и развитии дальневосточной печати, но почти не говорится об устройстве и особенностях функционирования цензурных органов [5].

Источниками данного исследования являются документы и официальная переписка инспектора по делам печати Главного управления по делам печати МВД в г. Владивостоке, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока. Помимо привлечения архивных документов, в рамках исследования, с целью определения эффективности работы местной цензуры, был проведен количественный контент-анализ 150-ти выпусков газет, напечатанных в годы войны во Владивостоке. Были выбраны два направления изучения местной цензуры в годы Первой мировой войны, одним из которых является деятельность цензуры в сфере по надзору над периодической печатью, а другим – цензурирование владивостокскими цензорами писем и посылок, присылаемых в адрес военнопленных, размещенных на территории Приморской области.

Цензурное законодательство России накануне войны регулировалось Временными правилами о печати, установленными Высочайшим указом 24 ноября 1905 г. [6], дополненные Указом императора об изменении и дополнении от 18 марта 1906 г. [7]. Согласно Временным правилам, печать любых периодических изданий была возможна только в случае получения у губернатора или градоначальника свидетельства о праве на издание. При этом, в свидетельстве определялась тематическая программа издания, выход за рамки которой не разрешался. Предварительная цензура хоть и отменялась официально, но продолжала существовать для газет и журналов, содержащих рисунки. В условиях военного положения губернаторы и генерал-губернаторы наделялись правом запрещения печати любого периодического издания.

Цензурный контроль в Приамурском генерал-губернаторстве осуществлялся следующими органами и лицами: в г. Хабаровске все цензурные функции выполнялись канцелярией генерал-губернатора; в г. Благовещенске – вице-губернатором; в гг. Никольск-Уссурийском и Николаевске – полицмейстерами; во Владивостоке внутренней и иностранной цензурой на европейских и восточных языках занимались два должностных лица – инспектор по делам печати и наблюдающий за изданиями на восточных языках [2. С. 127]. На должность наблюдающего за изданиями на восточных языках назначались выпускники Восточного института. Наличие именно во Владивостоке специального цензурного органа было продиктовано его стратегическим значением как главного морского порта на Дальнем Востоке.

В первый день войны Николаем II был подписан Указ о введении Временного положения о военной цензуре. Согласно положению, надзор над печатью возлагался на специально создаваемые военно-цензурные комиссии, обладающие правом запрещения печати любого издания. В дополнение к Временному положению был издан «… Перечень сведений и изображений, касающихся внешней безопасности России и ее военно-морской и сухопутной обороны, оглашение и распространение коих в печати или в речах, или докладах, произносимых в публичных собраниях воспрещается», несколько раз дополнявшихся. Среди общих руководящих распоряжений владивостокского инспектора по делам печати Главного управления по делам печати МВД, хранящихся в Российском государственном историческом архиве Дальнего

Востока, находится одна из редакций Перечня сведений, запрещенных к печати [8. Л. 135 – 137]. В перечень были включены любые сведения об: устройстве, составе и численности всякого рода войск; вооружении, снаряжении, обмундировании, довольствии и санитарном состоянии войск; снаряжении и качествах техники и крепостей; расположении и передвижении войск; боевой готовности армии и флота, обучении и подготовке солдат; состоянии дорог и железнодорожных путей, телефонных и телеграфных линий; мобилизации и порядке укомплектования частей; стратегическом и тактическом состоянии местности театров военных действий; результатах бомбардировок с воздуха и земли территорий Российской империи; заготовке продуктов и ресурсов для армии; потерях в личном и материальном составах армии и флота; всякого рода нарушений обычного течения жизни в областях, находящихся на военном положении; деятельности иностранных шпионов (всего 29 пунктов). Кроме того, запрещалась печать фотографий и рисунков, содержащих перечисленные сведения. Таким образом, с самого начала войны российская периодическая печать была сильно ограничена в свободе публикации информации на военную тему.

Периодическая печать г. Владивостока накануне войны находилась на стадии бурного роста, как, собственно, и вся периодическая печать на Дальнем Востоке. Непосредственно в предвоенный период периодика была представлена в регионе 30 – 35 журналами и газетами, тематическое разнообразие которых быстро росло [9. С. 77]. Во многом столь бурное развитие дальневосточной периодической печати накануне войны обусловлено увеличением доли городского населения в регионе, ведь именно жители городов являлись основными покупателями газет. Средний показатель урбанизации населения в России в 1913 г. был равен 15%, тогда как доля городского населения на Дальнем Востоке в это же время, почти вдвое превышая среднероссийский показатель, достигала 28,9% [9. С. 58].

Периодическая печать в регионе в годы войны находилась под постоянным контролем со стороны военно-цензурной комиссии, организованной при штабе Приамурского военного округа и подчиняющихся ей инспекторов по делам печати и военных цензоров в городах. Поэтому нам представляется немаловажным описание деятельности местных органов цензуры.

Ограничения, накладываемые военно-цензурными комиссиями на публикации сообщений, содержащих сведения, касающиеся войны, порой носили странный, если не абсурдный характер. Так, например, председатель местной военно-цензурной комиссии при штабе Приамурского военного округа 3 октября 1916 г. прислал владивостокскому инспектору по делам печати сообщение с грифом «секретно», в котором пересказывалось содержание секретного циркулярного распоряжения Главной военно-цензурной комиссии [10. Л. 164]. Главная военно-цензурная комиссия обращала внимание местных цензурных органов на публикацию одного из объявлений в ежедневной газете «Вечернее время» от 28 августа 1916 г. и призывала принять меры к недопущению подобных нарушений в будущем. В №1584 «Вечернего времени» было опубликовано объявление от имени командира запасного 180-го пехотного

полка о дате и месте проведения панихиды по павшим офицерам и нижним чинам 197-го, 198-го, 199-го и 200-го пехотных полков. Главная военно-цензурная комиссия посчитала, что данное объявление позволило иностранным агентам сделать вывод, что именно из запасного 180-го полка формируются 197-й, 198-й, 199-й и 200-й пехотные полки, а публикация любых сведений о порядке формирования частей была запрещена действующим законодательством.

Вообще деятельность цензурных органов на местах часто регулировалась циркулярными распоряжениями, рассылаемыми от имени Главной военно-цензурной комиссии, находящейся в столице империи, а иногда и вовсе от министра внутренних дел или его заместителей. Адресатом первой являлись местные военно-цензурные комиссии, распоряжения министра же, как правило, адресовались военным губернаторам и генерал-губернаторам. Для иллюстрации содержания подобных распоряжений и механизма доведения их до непосредственных исполнителей приведем несколько примеров телеграмм и циркуляров из столицы, доведенных до инспектора по делам печати во Владивостоке областным начальством.

Военный губернатор Приморской области 9 сентября 1915 г. отправил инспектору по делам печати во Владивостоке Распоряжение с пометкой «совершенно секретно», к которому прикрепил копию телеграммы от товарища министра внутренних дел, князя В.М. Волконского, полученную им накануне, с требованием принять все меры к исполнению распоряжений из столицы [11. Л. 34 – 35]. Телеграмма имела следующее содержание: «Примите все меры к недопущению помещения в периодической печати губернии политических резолюций и речей московских съездов, если они будут радикальнее постановлений Московской думы». Из содержания телеграммы абсолютно непонятно о каких съездах идет речь, и в чем резолюции этих съездов могут быть радикальней постановлений Московской думы. Скорей всего, и владивостокские цензоры в 1915 г. не особо понимали, какая именно информация запрещалась к публикации телеграммой товарища министра внутренних дел.

Привлекает внимание тот факт, что копия телеграммы из столицы была доставлена владивостокскому инспектору по делам печати на следующий день после получения ее военным губернатором области. Подобная оперативность в ознакомлении лиц, занимающихся цензорской деятельностью, с распоряжениями из столицы присутствовала не всегда. Если в предыдущем примере военный губернатор области отправил владивостокскому инспектору по делам печати копию телеграммы на следующий день после получения, то о содержании телеграммы от Главного управления по делам печати МВД, полученной губернатором 5 марта 1916 г., инспектор по делам печати узнал только спустя две недели – 20 марта 1916 г. [10. Л. 149 – 150]. Правда, данная телеграмма не имела грифа секретности, а само распоряжение носило, скорее, общий характер. В телеграмме указывалось на появление в печати статей о членах императорской семьи (без особого на то разрешения со стороны правительства) и необходимости недопущения подобных публикаций.

Часть столичных распоряжений пересылались напрямую от губернаторов, часть же – проходили через губернские и областные управления МВД, что вызывало значительные задержки во времени, прежде чем распоряжения достигнут цензоров. Копия секретного циркуляра министра внутренних дел А.Н. Хвостова губернаторам и градоначальникам от 23 октября 1915 г. была переслана Приморским областным правлением МВД владивостокскому инспектору по делам печати спустя почти месяц, 18 ноября 1915 г. При этом, текст самого циркуляра показывает, что министерские распоряжения не выполнялись на местах: «… Циркуляр от 12 сентября сего года указал на необходимость принятия мер по прекращению появления в печати основанных на слухах известий, касающихся предполагаемых назначений императором. Однако периодические издания продолжают такие публикации». Далее в циркуляре было помещено требование навести порядок в местных цензурных органах и исключить из печати указанную категорию статей [10. Л. 139 – 140].

Необходимость борьбы цензурных органов с различного рода слухами, появляющимися в газетах, то и дело становилась темой отдельных распоряжений министра внутренних дел. 31 декабря 1915 г. инспектору по делам печати во Владивостоке с грифами «срочно» и «секретно» была переслана копия телеграммы министра внутренних дел А.Н. Хвостова от 30 декабря 1915 г. следующего содержания: «Прошу Ваше Превосходительство указать редакторам на нежелательность помещения в газетах сведений о деятельности М.А. Васильчиковой по попыткам Германии заключить сепаратный мир и о причинах удаления на покой архиепископа иркутского Серафима. Министр Хвостов» [10. Л. 141 – 142]. Упоминание в телеграмме министра иркутского архиепископа является одним из немногих примеров, когда указания из столицы затрагивали вопросы, имеющие отношение непосредственно к Дальнему Востоку России. Другим подобным примером является Распоряжение, присланное владивостокскому инспектору по делам печати в декабре 1915 г. канцелярией приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти, содержащее информацию о том, что министром внутренних дел «… воспрещены ко ввозу в Россию» издающиеся вКитае периодические издания на немецком языке [10. Л. 143].

Со временем на подобных копиях телеграмм из столицы стали появляться отметки об ознакомлении с содержанием редакторов местных газет. На полученной инспектором по делам печати во Владивостоке 14 октября 1916 г. копии телеграммы от управляющего министерством внутренних дел на имя военного губернатора Приморской области от руки было подписано: «Ознакомлены редактор «Дальнего Востока», – с подписью последнего. Сама же телеграмма имела следующее содержание: «Прошу принять меры к недопущению в печати каких-либо сведений о положении бывшего военного министра Сухомлинова», – и была помечена грифами «срочно» и «секретно» [10. Л. 166 – 167 об.].

Под двумя другими телеграммами управляющего министерством внутренних дел на имя военного губернатора Приморской области, генерал-лейтенанта В.А. Толмачева, пересланными владивостокскому инспектору по делам печати, стояли уже две подписи: редактора «Дальнего Востока» и

редактора «Далекой окраины». В телеграмме от 29 октября 1916 г. управляющий МВД просил военного губернатора принять меры по недопущению появления в печати информации о будущем устройстве Турецкой Армении [10. Л. 168 – 168 об.], телеграмма от 2 ноября 1916 г. содержала просьбу о как можно более внимательном контроле над сообщениями о последнем заседании Государственной думы и недопущении появления в печати речи П.Н. Милюкова [10. Л. 169 – 169 об.].

В целом, можно сделать вывод, что в указаниях и распоряжениях из столицы, касающихся цензуры периодической печати, в большинстве случаев речь шла о запрете публикации материалов на конкретную тему. При этом, чаще всего эти темы не относились напрямую к Дальневосточному региону, следовательно, не так сильно волновали местное население. Кроме того, система государственной цензуры, действующая в годы войны, предусматривала несколько возможных путей, по которым распоряжения из столицы доходили до органов цензуры городского уровня. Неминуемо порождаемые в такой ситуации путаница и задержки в ознакомлении цензоров с распоряжениями столичного начальства позволяли дальневосточной печати безнаказанно печатать статьи и заметки на запрещенные темы.

Местная военно-цензурная комиссия, созданная при штабе Приамурского военного округа, занималась как раз вопросами местного значения. Наблюдая за выходящими номерами периодических изданий, представители местной военно-цензурной комиссии отыскивали публикации, представляющие опасность для государственной безопасности, и докладывали о них генерал-губернатору. Для описания механизма работы местной военной цензуры приведем конкретный пример. В отношении правителя канцелярии Приамурского генерал-губернатора от 29 июня 1916 г. представитель местной военно-цензурной комиссии сообщал о том, что в периодической печати стали появляться заметки «… относительно прибывших к нам, в целях объезда лагерей военнопленных, нейтральных делегаций, которые называются в печати «германскими» и «австро-венгерскими», при этом, состоящие из офицеров, воюющих с нами армий, и сестер милосердия германского и австро-венгерского Красного Креста» [10. Л. 159 – 160]. В действительности же, по сведениям автора отношения, прибывшая делегация состоит из представителей нейтральной Дании, члены которой (в соответствии с соглашениями между воюющими сторонами) осматривают пленных с двух сторон. Ввиду недопустимости публикации ложных сведений о национальной принадлежности членов делегации и тем самым возбуждения недовольства среди читателей представитель местной военно-цензурной комиссии просит принять необходимые меры. Данное Отношение представителя местной военно-цензурной комиссии было составлено 29 июня 1916 г., ознакомление же лиц, занимающихся непосредственным надзором над местной печатью, с его содержанием произошло только 19 июля 1916 г., когда от имени вице-губернатора Приморской области Л.А. Корнеева были разосланы секретные циркуляры, содержащие копию отношения. Адресатами циркуляров были полицмейстеры, уездные начальники, начальники участков Уссурийского казачьего войска и владивостокский инспектор по делам печати. Столь

значительная задержка объясняется количеством должностных лиц и ведомств, перенаправляющих копии отношения друг другу, пока оно спускалось из губернской администрации в городские органы цезуры. Приведенный пример демонстрирует отсутствие в деятельности местных органов цензуры четкой организации, в результате чего многие распоряжения и предписания не могли быть выполнены цензорами. Вполне возможной представляется ситуация, когда на момент получения распоряжения от вышестоящего начальства о невозможности допуска к печати сообщений определенной тематики необходимость выполнения его отпадала сама собой, так как запрещенные сведения уже были напечатаны.

Несмотря на постоянное давление на местную периодическую печать со стороны цензуры и действие в стране достаточно строгого цензурного законодательства, нарушения прессой цензурного режима были вполне возможны. Это подтверждается данными проведённого анализа местной прессы. Нами было подсчитано количество публикаций, содержащих запрещенные цензурой сведения в 2-х периодических изданиях – «Владивостокских епархиальных ведомостях» и газете «Восток». Оба издания печатались во Владивостоке. Из 150 номеров, напечатанных в период с сентября 1914 г. по февраль 1917 г., сведения, запрещенные к печати требованиями цензуры, были обнаружены нами в 6% публикаций. При этом, на всем протяжении рассматриваемого периода этот показатель не изменяется. Нарушения цензурных правил с одинаковой частотой встречаются в указанных печатных изданиях как в период патриотического подъема в начале войны, так и в конце рассматриваемого нами периода. Кроме того, анализ местной печати показал, что частота нарушений правил цензуры одинакова для всех изученных изданий, вне зависимости от их направленности. Одинаковая доля нарушений выявлена нами как в либерально настроенной политико-экономической и литературной газете «Восток», так и в церковном органе печати – «Владивостокских епархиальных ведомостях». Таким образом, нарушения цензуры периодической печатью Дальнего Востока России в рассматриваемый период были обычным делом.

Среди нарушений цензурного режима наиболее частыми являлись публикации статей и заметок, содержащих сведения о ходе мобилизации, способах формирования воинских частей, путях их следования, местах дислокации. В неофициальной части «Владивостокских епархиальных ведомостей» от 15 сентября 1914 г. была размещена прощальная речь священника Н. Даталовича 1-му Сибирскому полку перед отбытием на фронт [12]. В опубликованной речи, помимо указания номера мобилизованного полка, содержалась информация о месте размещения полка перед мобилизацией, собственно, дате мобилизации и боевом опыте полка. Согласно действовавшему на тот момент цензурному законодательству, подобные публикации были категорически запрещены. Нередко в печати появлялись публикации, рассказывающие о способах подготовки новобранцев, снабжении и обеспечении войск, что также было запрещено цензурой.

Накануне Февральской революции положение дел в области цензурного надзора над периодической печатью и вовсе оставляло желать лучшего. Число нарушений цензурных правил газетами возросло. Кроме того, согласно донесению одного из военных цензоров владивостокскому инспектору по делам печати от 7 января 1917 г., в городе появилось множество иностранных, в том числе немецких, журналов, которые не проходили цензурную проверку [13. Л. 84].

После падения монархии периодическая печать получила практически полную свободу. Хотя органы военной цензуры продолжали функционировать, редакторы газет перестали выполнять их требования. В апреле 1917 г. военным цензором г. Владивостока №12 были направлены две телеграммы: одна – в редакцию газеты «Далекая окраина» с напоминанием о запрете оглашения в печати номеров частей армии [13. Л. 101], другая – в редакцию «Дальний Восток» с напоминанием о запрете печатания сведений о предполагаемых назначениях по военному ведомству [13. Л. 102]. Обе телеграммы были составлены уже после публикаций газетами запрещенных сведений и обе остались без ответа.

Наряду с описанными проблемами в функционировании местной цензуры в годы Первой мировой войны, имело место нежелание старых служащих цензурных органов подчиняться распоряжениям новых военно-цензурных органов. Инспектор по делам печати во Владивостоке, коллежский асессор, Н.В. Дюфур 11 декабря 1915 г. направил коменданту Владивостокской крепости письменный доклад, в котором отказался в будущем подчиняться требованиям назначенного местной военно-цензурной комиссией военного цензора. Военным цензором, которому отказался подчиняться инспектор по делам печати, был профессор Восточного института Е.Г. Спальвин. Нежелание подчиняться профессору инспектор по делам печати объяснял тем, что, во-первых, Е.Г. Спальвин не состоит на службе в Главном управлении по делам печати, во-вторых, стоит ниже инспектора по распорядку гражданских должностей, а главное – был назначен на должность военного цензора лишь в силу того обстоятельства, что владеет иностранными языками, следовательно, вся его деятельность должна ограничиваться исключительно проверкой писем и телеграмм [13. Л. 2]. Демарш владивостокского инспектора был подавлен на следующий день после подачи им доклада коменданту крепости. Военный губернатор области В.А. Толмачев 12 декабря 1915 г. отправил Н.В. Дюфуру Распоряжение с пометкой «срочно», в котором в настоятельной форме потребовал подчиниться любым требованиям представителей военно-цензурной комиссии при штабе приамурского военного округа [13. Л. 3]. Подобный конфликт между представителями старой и новой цензуры не был единичным случаем, в архивных материалах содержится достаточно данных о подобных инцидентах. Естественно, разногласия внутри цензурного аппарата между отдельными должностными лицами мешали нормальному функционированию цензуры.

Еще одним поводом для спора между представителем старой цензуры Н.В. Дюфуром и военным цензором, профессором Е.Г. Спальвиным стало назначение

последним студента IV курса Восточного института по фамилии Летовт военным цензором для писем и телеграмм [13. Л. 9 – 19]. Инспектор по делам печати считал, что, во-первых, назначение нового служащего без его ведома происходить не может, а, во-вторых, привлечение к цензорской деятельности непроверенного по линии МВД студента противоречит закону, о чем писал областному начальству. В чью пользу разрешился спор в данном случае неизвестно.

С появлением в регионе военнопленных на местные органы цензуры легла дополнительная нагрузка, вызванная необходимостью проверки писем и посылок, присылаемых пленным из-за границы. Из-за большой загруженности цензоры не успевали вовремя проверять все посылки. Кроме того, дополнительные трудности в работе цензоров были связаны с тем, что в большинстве посылок военнопленным присылали различную печатную продукцию (книги, журналы) на иностранных языках, которую также нужно было проверить. Задержки в работе цензоров стали очередным поводом для продолжения конфликта между военной и гражданской цензурой. Так, 16 февраля 1916 г. профессор Е.Г. Спальвин направил Распоряжение инспектору по делам печати Дюфуру, в котором пересказывалось письмо некой госпожи Киммельман из Шанхая от 11 февраля 1916 г. [13. Л. 24]. Госпожа Киммельман отправила в ноябре 1915 г. несколько посылок на имя австрийского военнопленного Иосифа Катцмайера в село Раздольное, но они так и не были доставлены адресату. Профессор Спальвин требовал в своем распоряжении избегать подобных жалоб в будущем. Что любопытно, либо по ошибке, либо стремясь подчеркнуть свое начальствующее положение, в качестве адресата распоряжения профессор Спальвин указал «военного цензора Дюфура», хотя последний занимал свою прежнюю должность инспектора по делам печати. Данное распоряжение не было единственным, профессор Спальвин не упускал возможности упрекнуть своего подчиненного в допущении ошибок.

Вообще ситуации с потерей посылок для военнопленных повторялись довольно часто. Одной из причин, по которым посылки могли быть не доставлены, являлось воровство матросами судов, на которых посылки доставлялись во Владивосток, почтовых марок. Получая для проверки письма и бандероли без марок, цензоры не могли отправить их адресату без специального разрешения начальства. Так, например, 1 июня 1916 г. одним из военных цензоров во Владивостоке был составлен Акт о получении им 7-ми бандеролей, марки с которых были срезаны, одна из них была адресована пленному из села Раздольное Эсту Андрасу [13. Л. 37]. Основной же причиной задержек в проверке почтовых отправлений в годы Первой мировой войны, вероятно, была загруженность железной дороги и владивостокского порта. Данная проблема подробно описана в работе Т.Я. Иконниковой [14. С. 91 – 104].

Из-за большого объема военных грузов, идущих из г. Владивостока на запад империи, все склады были переполнены, катастрофически не хватало вагонов, прибытие и отправление пассажирских составов задерживалось порой на сутки. В условиях царящего на железной дороге хаоса посылки просто терялись. Плохая работа железной дороги дополнялась недопониманием среди

служащих местных цензурных органов. Приведем еще один пример. Инспектор по делам печати г. Владивостока 22 октября направил экстренный запрос прикомандированному к нему военному цензору Э. Лаберису, в котором требовал немедленно доложить «… почему до сих пор не получен и не досмотрен цензурой груз, высланный военно-цензурной комиссией 5 августа по воинскому билету, который был отправлен вам с моей подписью в день получения билета» [13. Л. 65]. Из дальнейшего содержания запроса становится понятно, что отправленный из г. Хабаровска груз состоит из книг для военнопленных. Через два дня военный цензор Э. Лаберис отправил ответ на запрос, в котором объяснил, что после получения им 8 августа воинского билета он лично запросил груз на железной дороге, но получил ответ, что груз еще не прибыл. Затем Э. Лаберис пишет: «… 21 сентября вы прислали новое отношение с просьбой ускорить просмотр книг. В тот же день я послал для приема груза ратника Башкарева». Ратнику Башкареву в получении груза было отказано, так как он был выслан на имя инспектора Дюфура, а для получения его Башкаревым необходимо было специальное разрешение, выдать которое мог только инспектор Дюфур. В связи с этим, Э. Лаберис отправил ратника Башкарева к инспектору по делам печати, который, лично выслушав последнего, отказал в выдаче разрешения, объяснив это тем, что работники железной дороги обязаны сами доставить груз военному цензору [13. Л. 66]. Крайняя несогласованность действий отдельных служащих местных органов цензуры препятствовала полноценному выполнению ими своих обязанностей по проверке посылок для военнопленных, а зачастую, делала её невозможной.

Один из подобных эпизодов интересен тем, что запрос о судьбе пропавшей посылки был составлен американским консулом во Владивостоке. Американский консул писал местному инспектору по делам печати: «… На имя военнопленного Витьес в Раздольном приблизительно в середине апреля сего года была получена посылка из Герфорда в Вестфалии, которая после уплаты им связанных с ней расходов была направлена цензору во Владивосток», а так как спустя три месяца посылка им так и не была получена, американский консул просит сообщить о ее судьбе [13. Л. 50]. Инспектор по делам печати отправил копию послания американского консула военному цензору. Ответ последнего был краток: «Посылки таковой не досматривал, видимо задержалась в пути» [13. Л. 45]. По какой причине судьба посылки пленному австрийцу заинтересовала американского консула неизвестно.

Помимо проблем с доставкой грузов и несогласованностью отдельных цензоров между собой, еще одной значительной причиной, по которой местная цензура не могла полноценно выполнять свои функции по проверке корреспонденции, был неоднородный этнический состав военнопленных. Подавляющее большинство военнопленных были австрийскими поданными, но не все из них читали и писали на немецком. Поэтому какая-то часть поступающей в адрес военнопленных корреспонденции не могла быть проверена местными цензорами, которые ориентировались на восточные языки и плохо знали европейские. В таких случаях письма и бандероли отправлялись для проверки либо в Москву, либо в Петроград. Так, командир 304-й пешей

дружины по части военнопленных прислал военному цензору по иностранной печати А.Н. Занковскому для проверки записную книжку одного из военнопленных [13. Л. 56]. Спустя неделю военный цензор по иностранной печати прислал записную книжку обратно вместе со следующим заключением: «… Имею честь возвратить тетрадь, которую процензировать не могу, так как написана на мадьярском языке» [13. Л. 57]. В итоге, записная книжка была отправлена на проверку в московский военно-цензурный пункт при почтамте [13. Л. 58].

Изучение архивных документов позволило выявить ряд причин, по которым дальневосточные органы цензуры не могли полноценно функционировать в годы Первой мировой войны. Как показал анализ местной периодической печати, нарушения цензурных правил прессой происходили постоянно. Подобная статистика, на наш взгляд, обусловлена в первую очередь отсутствием четко выстроенной системы руководства и подчинением местных органов цензуры одновременно нескольким ведомствам. Еще одной причиной, по которой местная цензура не могла осуществлять полноценный контроль печати, были значительные задержки в ознакомлении лиц, осуществляющих цензорскую деятельность, с распоряжениями начальства, несмотря на наличие в крае телеграфа. Задержки были вызваны, помимо географической отдалённости от столицы страны, нерасторопностью местного руководства. Кроме того, местным цензорам приходилось иметь дело с распоряжениями, приходящими из столицы и запрещающими публикацию сообщений об определённых событиях на западе империи, которые иногда могли быть вовсе неактуальны для региона, так как, во-первых, местная печать не писала об этом, а во-вторых, маловероятно, что сами цензоры имели представления об этих событиях.

В деле проверки корреспонденции находящихся в регионе военнопленных местная цензура, в силу ряда объективных и субъективных причин, также не могла полностью выполнять свои обязанности. К объективным причинам следует отнести чрезмерную занятость местных цензоров работой, а также загруженность железной дороги и владивостокского порта, из-за чего порой даже после проверки цензорами письма и бандероли могли доставляться, например, из Владивостока в расположенный в 60-ти километрах поселок Раздольное. Среди других объективных причин нужно указать воровство с посылок военнопленным марок матросами кораблей, на которых посылки доставлялись во Владивосток, из-за чего, попав к цензорам, они не могли быть доставлены адресатам. Абсолютно субъективными причинами можно назвать несогласованность действий служащих местных органов цензуры, постоянные конфликты между представителями старых довоенных органов цензуры и начальствующими над ними представителями образованной после начала войны военной цензуры. Кроме того, здесь же стоит указать на незнание местными цензорами европейских языков, возникшее исторически в силу ориентации местной цензуры на азиатские языки, в результате чего местные цензоры были вынуждены прибегать к помощи столичных и московских органов цензуры.

Литература и источники:

1. Жирков, Г. В. История цензуры в России XIX – XX вв. / Г. В. Жирков. – М. : Центр, 2001. – 368 с.

2. Патрушева, Н. Г. Материалы комиссии по составлению проектов штатов цензурных учреждений под председательством А. В. Муромцева / Н. Г. Патрушева // Вестник Брянского государственного университета. – 2010. – № 2. – С. 119 – 130.

3. Патрушева, Н. Г. Цензура в России в к. XIX– н. XX вв. : сб. воспоминаний / сост. Н. Г. Патрушева. – СПб. : Изд-во РНБ, 2003. – 367 с.

4. Прудкогляд, Т. В. История печати и книжного дела : учебно-методический комплекс / Т. В. Прудкогляд. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – 68 с. ; Она же, Листая пожелтевшие страницы… К истории периодической печати Дальнего Востока России (1865 – 1917) / Т. В. Прудкогляд. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. – 240 с. ; Она же, Печать Дальнего Востока как фактор культуры (1907 – февраль 1917 гг.) / Т. В. Прудкогляд. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. – 75 с. ; Сквирская, Л. М. Краткий очерк истории журналистики на Дальнем Востоке в XIX – начале XX вв. : пособие по спецкурсу для студентов отделения журналистики ДВГУ / Л. М. Сквирская. – Владивосток : Изд-во ДВГУ, 1971. – 46 с.

5. Шахова, И. А. Периодическая печать и органы государственной власти Дальнего Востока России (вторая половина XIX – нач. XX вв.) : автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. наук / И. А. Шахова. – Владивосток, 2001. – 22 с.

6. Именной высочайший указ, данный сенату. – О временных правилах о повременных изданиях. 24 ноября 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. – Т. 25. – № 26962.

7. Именной высочайший указ, данный сенату. – Об изменении и дополнении временных правил о периодической печати.18 марта 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. – Т. 26. – № 27574.

8. РГИА ДВ. – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 1.

9. Дальний Восток России в период революций 1917 г. и Гражданской войны. – Владивосток : Дальнаука, 2003. – 632 с.

10. РГИА ДВ. – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 2.

11. РГИА ДВ. – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 5.

12. Владивостокские епархиальные ведомости. – 15 сентября 1914 г. – № 18.

13. РГИА ДВ. – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 39.

14. Иконникова, Т. Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны / Т. Я. Иконникова. – Хабаровск : Хабаровский государственный педагогический университет, 1999. – 365 с.